

Новая средневековая волошская общность, на наш взгляд, сформировавшаяся к IX в., включила в себя романизированных потомков фракийцев, иллирийцев, отчасти кельтов и, безусловно, славян. Развитие этой общности продолжалось и позднее: одновременно шли — глоттогенез и этногенез.

В четвертой главе — «Общественно-экономический и политический строй Подунавья в XII—XIV веках. Появление молдавского этноса» — обобщаются результаты исследований советских историков, археологов и лингвистов за 10 лет³. Речь в ней идет о социально-экономических и внутривосточных процессах в молдавском феодальном обществе. Автор сумел дать общую картину развития молдавского этноса, указав, что «выделение молдаван из общей массы волохов в особую — этническую общность произошло после расселения (из Трансильвании — В. К.) волохов на землях к востоку от Карпат. Здесь они встретили и ассимилировали остатки восточных славян. Унаследованные от этих славян черты в культуре и быту, усиленные в процессе последующих контактов с восточными славянами, составляют одну из специфических особенностей молдавского этноса» (с. 92). В этой же главе автор рассмотрел социально-экономический строй молдаван в XIV—XVI вв., осветил особый тип их хозяйства — пастушеско-земледельческий или животноводческо-земледельческий, дал анализ общины, основанной на волошском праве.

Столь же удачна и пятая глава очерков — «Образование Молдавского государства». Однако автор упустил в ней очень важный момент, а именно расстановку внешних политических сил.

И, наконец, последняя, тоже удачная, яркая шестая глава — «Роль государства в консолидации молдавского этноса», в которой рассматриваются вопросы молдавско-русских и молдавско-украинских связей, русская помощь обществу и государству Молдавии. Выводы в ней четко сформулированы: «Существование независимого государства оказывает многостороннее влияние на развитие общества, в том числе — на консолидацию этноса», — пишет автор (с. 104). «Молдаване четко отделили себя не только от поляков, венгров и других народов, но и близкородственных валахов (мунтенцев)» (с. 105).

Книга Н. А. Мохова «Очерки истории формирования молдавского народа» является работой итоговой и поисковой. Повторы или небольшие неточности практически не снижают ценности книги. А некоторые противоречия в ней отражают лишь состояние исследования отдельных проблем, их недостаточную изученность в советской и зарубежной науке. Более того, такие противоречия дают возможность провести в будущем в разных научных центрах серьезные обсуждения спорных проблем, затронутых автором. Книга эта является зачином большого труда «Происхождение молдавской народности», который создается в Отделе этнографии АН МССР. Археологи, историки, этнографы, лингвисты, безусловно, прочтут эту книгу с большим интересом.

В. Д. Королук

³ «История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.)». Кишинев, 1976, с. 56—130; «Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения». Кишинев, 1977, с. 20—40; 204—213; 324—330 и др.

Pertti Virtaranta. Vienen kyliä kiertämässä. Karjalaiskylien entistä elämää Venehjärvestä Kostmaukseen. Kirjayhtymä, Helsinki, 1978. 287 s.

Соглашение между Советским Союзом и Финляндией о сотрудничестве в области науки и техники предоставило исследователям истории культуры финно-угорских народов возможности более глубокого изучения сложных проблем генезиса и взаимодействия культур. На основе этого соглашения советские и финские ученые могут собирать материал и проводить полевые исследования в нужной им области на территории обеих стран. Известен вклад финских исследователей, начиная с Кастерна, в финноугроведение. Интерес современных финских ученых к вопросам языкознания, фольклора, этнографии финно-угорских народов не ослабел, хотя и носит более дифференцированный характер. На смену описаниям, широко охватывавшим явления, пришло углубленное изучение отдельных проблем¹. Среди финских исследователей, особенно интенсивно ве-

¹ Библиографию по этнографии, фольклористике и языкознанию финно-угорских народов за последние годы см. «Bibliografia 1971—1974. Review of Finnish Linguistics and Ethnology 21», — «Studia Fennica 21», Helsinki, 1978. Библиографию советских работ по этнографии и фольклористике Карелии см.: «История, археология, этнография Карелии. Библиографический указатель советской литературы за 1917—1965 гг.». Петрозаводск, 1967, с. 268; «Научная конференция Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции». Петрозаводск, 1968, с. 132—243; см. также сборники статей «Этнография Карелии». Петрозаводск, 1976 и «Фольклористика Карелии». Петрозаводск, 1978.

дущих сбор полевых материала на территории Советского Союза, можно назвать Пертти Виртаранта (карельский язык), Лаури Хонко (прибалтийско-финские причитания), Аймо Турунен (вепский язык), Вяйно Кауконен («Калевала» и народный эпос).

Пертти Виртаранта, профессор Хельсинкского университета, еще в 30-е годы начал собирать и изучать диалекты близкородственных финского и карельского языков. Первую поездку в Советский Союз П. Виртаранта совершил в 1957 г. с целью сбора языкового материала у карел Калининской области. Всего он выезжал к калининским карелам пять раз, а в Карельской АССР побывал восемь раз. Почти во всех поездках вместе с ним работала его жена Хелми Виртаранта, прекрасный знаток карельских диалектов, секретарь редколлегии «Словаря карельского языка («Karjalan kielen sanakirja»), возглавляемой П. Виртарантой (в свет вышли два тома словаря, буквы А—К). Что касается диалектов финского языка, то П. Виртаранта собирает их не только в Финляндии, но и в Швеции, США, Канаде среди финнов-переселенцев, которые подчас сохраняют свой местный диалект лучше, чем его носители на родине, так как не испытывают влияния финского литературного языка.

Несмотря на то, что П. Виртаранта — лингвист, интересы его многогранны и охватывают все стороны этнической культуры. Образцы речи того или иного диалекта служат для него способом передачи информации о старинном быте, промыслах, верованиях, обычаях и обрядах народа. Каждая его книга, являясь публикацией полевых материалов, может служить первоисточником не только для диалектологов, но и для этнографов, фольклористов, религиоведов. На карельском материале Виртаранта составил уже 12 объемистых сборников, не считая множества статей, написанных на основе полевых наблюдений и посвященных различным явлениям карельской традиционной культуры. Стремление к широкому охвату материала по этнической культуре, фиксации и сохранению его для современных и будущих исследователей проявилось уже в его первой книге, посвященной традиционной культуре Северной Карелии «Vienan kansa muistele» («Народ Беломорья вспоминает»), изданной в 1958 г. Этот солидный сборник текстов (804 стр. с фотографиями) является своеобразной энциклопедией, составленной по рассказам хранителей и знатоков карельской культуры. В 1963—1964 гг. Виртаранта выпустил три тома «Людиковских текстов» (Lyydiläisiä tekstejä), записанных от одного рассказчика. Он подготовил также ряд фольклорных сборников (карельские сказки, колыбельные песни, пословицы и загадки)².

Перед нами двенадцатая «карельская» книга этого неутомимого собирателя. Название ее в русском переводе звучит так: «По деревням Северной Карелии». Подзаголовок раскрывает характер публикуемого материала: «О старой жизни карельских деревень от Суднозера до Костомукши». В предисловии автор пишет, что целью всех его поездок к карелам, проживающим в Советском Союзе, была запись разных диалектов карельского языка. Однако не менее важными для него были сведения о традиционном быте и культуре, содержащиеся в образцах речи. В данной книге автор поставил перед собой не только лингвистическую задачу, но и стремился охарактеризовать возможно более разносторонне старинный быт ряда западных деревень Калевальского района, обладавших в прошлом особенно богатой эпической традицией. Выбор района не случаен. Фольклористы, этнографы, художники всегда проявляли большой интерес к этому краю, где Леннрот в 30-е годы прошлого века записал лучшие руны, составившие основной костяк «Калевалы». А в наши дни собирательскую работу в Калевальском крае нужно вести гораздо интенсивнее, поскольку в связи со строительством Костомукшского горно-обогатительного комбината и ростом города горняков Костомукши происходит коренная ломка всего жизненного уклада таежных деревень. Из памяти людей со временем неизбежно сотрутся даже названия деревень, где когда-то жили рыболовы и охотники — прославленные рунопевцы и могучие колдуны-заклинатели.

Рецензируемая книга состоит из 15 глав по числу описанных в ней деревень. В последней, шестнадцатой, небольшой по объему главе рассказывается о старой почтовой тропе через болота, реки и озера от бывшего волостного центра Вокнаволока до Костомукши. Книга П. Виртаранты особенно ценна тем, что из описанных им 15 поселений ныне нормально функционируют лишь с. Вокнаволок и районный центр — поселок Калевала (бывш. Ухта). Многие деревни сгорели дотла во время Великой Отечественной войны и не были восстановлены, остальные опустели в 50—60-е годы в результате укрупнения колхозов.

Каждая глава начинается с небольшого вступления автора, кратко характеризующего деревню, ее местоположение, традиционные пути сообщения, связывавшие ее с другими деревнями; здесь же приводятся исторические сведения в соответствии с описаниями финских собирателей и путешественников прошлого века, а также преданиями о живших здесь до карел лопарях, о первых поселенцах, о набегах шведов и пр. Затем автор предоставляет слово старожилам описываемых деревень. Информаторы, как правило, прекрасные хранители местного говора собственно карельского диалекта; это в основном женщины преклонного возраста, которые еще хорошо помнят жителей своей деревни, особенности быта, обычаи, обряды — весь жизненный уклад, харак-

² Библиографию трудов Пертти Виртаранта см. «Kalevalaseuran vuosikirja 58». Helsinki, 1978, s. 330--338.

терный для северокарельских деревень в конце XIX — начале XX в. Создается картина относительно стабильного образа жизни, мало менявшегося в течение веков и сохранявшего много архаических черт не только в обрядах и верованиях, но и в материальной культуре.

Не все деревни описаны в равной степени подробно, что отмечает и сам автор в предисловии. Это зависело от информаторов: порою словоохотливый человек с хорошей памятью мог больше рассказать о маленькой деревушке в три-четыре двора, чем несколько человек о большом селе, где более высока мобильность населения. Особенно подробно описаны деревни Суднозеро (Venehjärvi), Вокнаволок (Vuokkiniemi), Ювалакша (Juvälaksha) и Костомукша (Kostamus). Большой интерес представляют демографические и генеалогические сведения, данные о родственных отношениях семей и пр. Очень хорошо описано Суднозеро: автор ведет читателя от дома к дому, рассказывая о составе каждой семьи, откуда была родом хозяйка, какова дальнейшая судьба детей и т. п. Генеалогические исследования ценны и сами по себе, потому что в Карелии подобная работа не проводилась. Такие исследования в данном ареале интересны еще и потому, что жители этих деревень были хранителями калевальской эпической традиции. Вера в магическую силу слова была здесь очень сильна еще в начале XX в. Поэтому в книге встречаются имена как знаменитых рунопевцев XIX в., так и известных знахарей-заклинателей и свадебных колдунов. Родословная многих из них была более или менее выявлена предыдущими исследователями³. П. Виртаранте удалось многое уточнить и конкретизировать, так что генеалогические сведения обросли живой плотью. Приведенные материалы помогают понять, как передавалось искусство слова от поколения к поколению. В то же время, знакомясь с этими генеалогическими разысканиями, мы лишний раз убеждаемся, что рунопевческое искусство, как и вообще устная народная поэзия, не было достоянием только избранных. «Эпическое настроение», по выражению П. Н. Рыбникова, было присуще в целом населению этого края вплоть до XX в.

В рассказах информаторов содержится много интересных сведений, относящихся к традиционной культуре, как к материальной, так и к духовной. Ориентироваться в этом материале помогает подробный предметный указатель к книге.

Как и в других работах Виртаранты, лингвист найдет здесь живые народные говоры, фольклорист — фольклорные тексты и сведения о бытовании и функции устно-поэтических произведений, этнограф — материалы о промыслах, обрядах, праздниках, о знахарстве и колдовстве, специалист по топонимике — новые данные о саамской и карельской топонимике. Книга иллюстрирована превосходными фотографиями разных собирателей, работавших в этом краю начиная с конца XIX в., и самого автора.

П. Виртаранта придает особое значение полевым исследованиям. В предисловии к рецензируемой книге он пишет: «Думаю, что сохранение разнообразных сведений о деревенском быте будет полезно для исследования Карелии, дальнейшее направление которого трудно сейчас предугадать...». В интервью, данном П. Виртарантой журналу «Пуналиппу» во время симпозиума по прибалтийско-финской филологии в мае 1979 г. в Петрозаводске, он также подчеркивал необходимость интенсивной собирательской работы: «В полевых условиях бросается в глаза, как быстро исчезают диалекты... Если мы хотим изучать карельский язык, на котором здесь говорили в течение столетий, его надо собирать как можно быстрее, чтобы составить подлинную картину живых говоров и традиционной культуры тех, кто на этом языке говорил».

У. С. Конкка

³ А. R. Niemi. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki, 1921.

В. И. Васильев. Проблемы формирования северосаамодийских народностей. М., 1979, 243 с.

Проблемы происхождения и этнической истории Советского Севера привлекают большое внимание исследователей¹. В рецензируемой монографии рассматривается формирование и этническое развитие двух северных народов с взаимосвязанными историческими судьбами — ненцев и энцев.

В первой главе: «Южносибирские компоненты в составе ненцев и энцев» автор на основе анализа этнонимов приходит к выводу «...о былом самодийском массиве на юге Сибири под общим тотемическим названием „журавлиные люди“» (с. 31), с которым он связывает предков, переселившихся затем на Север праненецких групп. Этнические компоненты южносибирского происхождения в составе энцев автор выявляет с помощью анализа этнонимических и родовых названий и сопоставления их с этнонимикой ряда народов Южной Сибири, он привлекает также данные археологии и лингвистики. Все

¹ См. И. С. Гурвич. Изучение этногенеза народов Севера в советский период (Состояние проблемы, задачи и перспективы). — «Этногенез и этническая история народов Севера». М., 1975, с. 5—42.